

Научная статья
УДК 821.352.3
DOI: 10.31007/2306-5826-2022-1-52-93-98

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ РОМАНА «СЛОМАННАЯ ПОДКОВА» А. КЕШОКОВА

Юрий Мухамедович Тхагазитов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, yutkhag@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5566-9156>

© Ю.М. Тхагазитов, 2022

Аннотация. На протяжении всего исследования в центре внимания остается ключевая для северокавказского литературоведения проблема – феномен авторского присутствия в тексте и его возможности структурирования национальной художественной картины мира.

Автором статьи предлагается новая интерпретация кабардинского романного мышления и методологические ориентиры осмысления оснований поэтики национального романа как когнитивно-концептуальной составляющей северокавказского литературного процесса; раскрывается специфика вопросов и литературного и историко-культурного характера, подчеркивающих природу национально-художественного романного мышления. Изучение особенностей когнитивной интерпретации «Сломанной подковы» А. Кешокова проводится в контексте закономерностей развития национально-художественного сознания, а также инационального историко-литературного процесса.

Ключевые слова: художественное сознание, классовое сознание, роман, романное мышление, литература, этнос, идеологема, этика, эстетика.

Для цитирования: Тхагазитов Ю.М. Этнокультурные основы романа «Сломанная подкова» А. Кешокова // Вестник КБИГИ. 2022. № 1 (52). С. 93–98. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-1-52-93-98

Original article

ETHNOCULTURAL FOUNDATIONS OF THE NOVEL “BROKEN HORSESHOE” BY A. KESHOKOV

Yuriy M. Thagazitov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, yutkhag@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5566-9156>

© Y.M. Thagazitov, 2022

Abstract. Throughout the study, the focus remains on the key problem for North Caucasian literary criticism – the phenomenon of the author’s presence in the text and his ability to structure the national artistic picture of the world. The author of the article propose a

new interpretation of the Kabardian novelistic thinking and methodological guidelines for understanding the foundations of the poetics of the national novel as a cognitive-conceptual component of the North Caucasian literary process; reveals the specificity of issues of both literary and historical-cultural nature, emphasizing the nature of national-artistic novel thinking. The study of the features of the cognitive interpretation of A. Keshokov's "Broken Horseshoe" is carried out by researchers in the context of the patterns of development of national-artistic consciousness, as well as the foreign-national historical and literary process.

Keywords: artistic consciousness, class consciousness, novel, novel thinking, literature, ethnos, ideologeme, ethics, aesthetics.

For citation: Thagazitov Y.M. Ethnocultural foundations of the novel "Broken horseshoe" by A. Keshokov. Vestnik KBIGI = KVІNН Bulletin. 2022; 1 (52): 93–98. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-1-52-93-98

Эстетические ценности советской литературы прошлого века вписались в новую идеологию вне зависимости от этнической принадлежности авторов, а знаком национальной принадлежности оставался лишь тот или иной язык.

Однако уже следующий период развития собственно эстетических представлений в национальных литературах выявил неготовность этнической традиции к синтезу политического, классового толкования действительности в координатах системы этических ценностей.

Фактически уже в первой половине XX века кабардинская литература вошла в полосу кризиса. Парадигмальный характер конфликтной модальности, оппозиция в политических координатах привели к изживанию внеидеологической эстетики. Все не соотносящееся напрямую с реалиями классового сознания, борьбы за новый строй и миропорядок трактовалось как не пригодное для включения в эстетический контекст. В подобном положении находились все национальные литературы и даже русскоязычная поэзия, но у русских поэтов все же никогда не было жесткой связи между тематикой, пафосом, образным строем, символикой и лексическим составом произведения, что позволяло им оставаться свободными в реализации своих замыслов – вспомним Иисуса Христа, возглавляющего революционный патруль в поэме А. Блока.

Единственным же средством преодоления узости эстетического мировосприятия в условиях обязательного взаимного соответствия тематики, проблематики, образности и лексики – и все это в рамках соответствующей идеологии – стало формирование национальных жанровых модификаций с определенной эстетической онтологией [Арутюнов 1981].

Это явление в той или иной степени наблюдается в любой литературе, на любом этапе ее развития, оно обусловлено естественной разницей в целевых установках литературных форм и сопровождается видимой избирательностью жанров, в смысле лексики, тематики, концептуалистики образных рядов, воплощаясь в искусство внеконтекстуально. И именно в условиях идеологического давления и ускоренного вхождения национальной традиции в общий поток политизированной советской литературы жанровое развитие так называемых «новописьменных» поэтических систем приобрело изолированный характер.

Сравнивая роль идеологического содержания в общей семантике кабардинской литературы, мы должны констатировать, что идеологическая идентификация изображаемого объекта или явления для кабардинских писателей первой половины XX века была не просто доминирующей при характеристике последних, но помимо всего прочего, общественно значимое было вычленено из литературы в каждом конкретном тексте. Национальные авторы, выстраивая тогда оппозиционные бинарные схемы, в обязательном порядке придавали одной из составляющей идеологическую окраску, в лучшем случае в роли позитивной основы выступали традиционные морально-этические константы, опять-таки восходившие к канону, созвучному советской идеологии.

Многочисленные произведения кабардинской литературы первой половины XX века выстраивались в основном на совмещении этики и морали социалистического общества и совпадающими с ними традиционными нормами, причем с четким разделением советского и этнического представлений о мире.

Обычным способом сопоставления идеологемы и этнического представления о мире у кабардинских авторов продолжительное время оставалась развернутая символизация различного происхождения с осознанной и целенаправленной мотивацией в рамках черно-белой художественности. Если, скажем, в творчестве А. Шогенцукова еще наблюдался «распад» эпической цельности мировосприятия, то, к примеру, поэтическое мышление А. Кешокова, далеко обогнавшего собратьев по перу в смысле эволюционной модернизации художественного мировидения, еще в 40–50-х годах носило явные черты эстетической субординации, не говоря уже о его текстах, базирующихся на концептах советского строя («Правота жизни», «Начало дороги», «Моя клятва», «Сивашская закалка» и др.). Мы должны констатировать что даже произведения кабардинского поэта, обращенные к изначально «внеидеологическим» переживаниям, характеризуются сугубо эстетическим отражением, подчиненным задачам выражения если не буквы, то хотя бы духа советской морали. В обширном ряду произведений А. Кешокова, датируемых 40–50-ми годами XX века, трудно найти художественные тексты, полностью вычлененные из общего потока советской эстетики и утверждающие этническую либо индивидуальную рефлексию автора. Но уже во второй половине XX века в романе «Сломанная подкова» мы видим равноправные представления национального и общесоветского.

Сюжетную основу самого известного произведения А. Кешокова «Сломанная подкова» составляют «события, развернувшиеся в Кабардино-Балкарии осенью 1942 года, когда танковые дивизии Гудериана рвались к воротам Северного Кавказа – к Ростову-на-Дону. Быстро приближающаяся война диктует в кратчайшие сроки решение сложнейших политических и хозяйственных задач, важных не только для самой республики, но также и для страны в целом. Как провести эвакуацию скота? Нужно ли при этом руководствоваться местными нуждами или ждать приказа вышестоящих органов? Оправдано ли формирование кавалерийской нацдивизии в условиях ведения современной войны?» [Тхагазитов, Толгуров, Хавжокова 2021: 124]. Эти проблемы, выдвинутые войной, А. Кешоков раскрывает в эпических масштабах, с народной точки зрения. Лейтмотив «Сломанной подковы» А. Кешокова – судьба малочисленных народов, волею истории оказавшихся на перекрестке социальных и национальных катаклизмов. Находящаяся в процессе становления нация вновь предстала перед выбором, от которого зависела ее дальнейшая судьба. Удача писателя связана не только с выходом на новую ступень аналитичности: «жизнеутверждение – это преодоление, то есть нравственный процесс, а не счастливый сюжетный исход» [Бочаров 1978: 73].

Экстремальные условия, в которых приходится решать эти принципиальные вопросы, подчеркивают неоднозначность проблем, поставленных историей, выявляют не только затаившихся врагов Советской власти (Мисост, Централь), но и приводят к столкновению людей, связанных общими целями и задачами (Бекан, Сосмаков, Кулов). Особенно А. Кешокову удалась образы Локотоша и Бештоева, непримиримый конфликт между которыми позволяет писателю художественно убедительно воссоздать драматизм ситуации: «Кавказ – не только горы и вечные снега. Кавказ – национальные характеры, нравы разных народов. Возьмет ли чувство долга верх над инстинктом самосохранения, – размышляет Локотош [Кешоков 1981: 299]. Ему противостоит «объединитель» горцев в «Чопракскую республику» Якуб Бештоев. Актуальную для романа XX века проблему нравственного выбора, возникшую перед целым народом, А. Кешоков решает «многослойно», обращаясь также к глубинным структурам мифоэпического мышления: в структуре

повествования, сюжетосложения, композиции, символических лейтмотивах. Мы имеем возможность проследить, как за столкновением Локотоша и Якуба Бештоева, во многом, встает традиционное противоборство «культурного героя» и его антипода «трикстера», характерного для архаического эпоса [Гутов 2017].

Локотош выполняет свои функции «культурного героя» еще и как наследственные, как дело, начатое его отцом, который в годы гражданской войны вывел свой народ из острой нужды, отправив на родину эшелон с зерном. Локотош продолжает выполнять столь же высокие функции: он несет народу избавление от врага, становится спасителем традиционного богатства народа – кров, хлеб, скот.

Наиболее явно черты «культурного героя» проявляются в традиционном поединке Локотоша с его антиподом Бештоевым. Оба претендуют на роль идейных вождей-воинов, которые хотят спасти народ от беды, сохранить его как единый род, как национальное единство. Но Бештоев совершает «подвиг» с позиций собственного «я», что и ведет его к предательству своего народа. В стремлении изобразить судьбу нации на основе синтеза современного литературного опыта и лучших этических традиций и проявляется в полной мере многомерность романа А. Кешокова. Бештоев в своей программе счастья и благосостояния Кабардино-Балкарии опирается на статичный, уже объективно изживший себя культурный этап – самодостаточность идеализации «светлого прошлого». Сказочное спасение Локотоша от врагов на коне Шоулохе – гордости кабардинской элитной породы – это символическое спасение народного избавителя, «культурного героя», всегда – по законам архаического эпоса – выводящего народ на путь приобщения к более высокой культуре и подлинной свободе. «Миссия» Якуба Бештоева, начинается под знаком тех же высоких целей (А. Кешоков и здесь многомерен). Писатель соблюдает верность этической традиции, в соответствии с которой герой, жаждущий в своих деяниях прежде всего самовозвышения и самоутверждения, не является носителем лучших героических качеств народа, и поэтому «трикстеров» всегда постигает заслуженная расплата.

Отношение народа к Локотошу проявляется, прежде всего, в отношении к нему старика Бекана, традиционного «мудреца», являющегося «знанием», «мудростью рода», народа. Бекан – живое воплощение подлинно эпической традиции. Именно в его руках находится символический знак бессмертия и национального достоинства – конь Шоулох. Эпизод гибели Бекана и Шоулоха обретает традиционные черты эпического бессмертия. Конь и всадник на Млечном Пути (Пути всадника) – эпизод типологически близкий к переходам из земного мира в «мир иной» айтмаговских персонажей: мальчика, превращающегося в рыбу, в «Белом пароходе», старших из рода Кириска, становящихся ветром, звездой, волной, о «Пегом псе, бегущем краем моря», Матери-птицы в «И дольше века длится день».

Движущий «Сломанную подкову» конфликт двупланов. С одной стороны, это ставший традиционным для современного романа конфликт в ситуации нравственного выбора. С другой – традиционно мифоэпический конфликт добра и зла, активно влияющий на структуру и композицию произведения. Композиция в данном случае воссоздает движение не по причинно-следственной логике внешних событий, а по глубинной логике добра и зла. Отсюда – включение в сюжет, казалось бы, ненужных, не влияющих на интригу эпизодов. Но проблемы войны, осмысленные с позиций современности, А. Кешоков выверяет взглядом «как бесконечность назад (в прошлое), так и в бесконечность в будущее» [Гачев 1968: 82]. Именно из-за глубинного следования законам мифоэпической мотивировки композиция «Сломанной подковы» напоминает традиционную композицию архаического героического эпоса, как бы являющей собой «кольцо» расширяющихся и сужающихся эпизодов в деянии героя и его сподвижников. Герои А. Кешокова выдерживают трудные испытания, нравственный итог которым подводит Бекан, выражая в формуле традиционной мудрости новое отношение к историческому

пути своего народа: «Мой дом в развалинах. Не беда. Лишь бы голова была цела – шапка найдется. Построю я дом еще лучше и красивей. Построю на радость потомству. Не сломанная подкова прерывает путь, а сломанная воля. У нас сломана лишь подкова, воля не сломана» [Кешоков 1981: 272].

Подчеркнем, что произведения подобного типа создавались писателями разных национальных литератур, и критики не случайно ставили «Сломанную подкову» в один ряд, скажем, с «Потерянным кровом» Й. Авижюса [Авижюс 1977], в этом же ключе написан и роман А. Теппеева «Жернова» [Теппеев 1982]. Типологическое сопоставление произведений кабардинского и литовского писателей можно начать уже с названий этих романов, восходящих к мифу и фольклору: «Сломанная подкова» – символ трагических испытаний, в которых с честью выстоял малочисленный народ вместе со всем советским народом; «Потерянный кров», в оригинале – «Время разорения усадеб» также указывает на национально-традиционные корни. Дом для литовцев – воплощение национального мира, который был сохранен от ветра войны. Эту параллель можно отчасти продолжить, сопоставив также главных героев произведений: Локотоша и красного Марюса, Бештоева и Адомаса, которые сближаются на уровнях идейно-нравственных суждений, затем уточняются детерминизмом истории кабардинского и литовского народов. Фашистская оккупация поставила Литву перед трагически сложным выбором. Особенно труден был этот выбор для интеллигенции. Поэтому не случайно, что Авижюс помещает в центре повествования учителя истории Гедиминоса. В Литве уже сформировалась отчужденная личность, которой предстояло пройти сложный путь к единству со своим народом. Это определяет сходства и различия «Потерянного крова» и «Сломанной подковы».

Сказанное свидетельствует о том, что несмотря на национальную специфику, существуют закономерности, которые формируются необратимостью историей, во многом общей для малочисленных народов. Их важнейшим мерилom остается глубинное народное мироощущение: это обстоятельство подчеркивает важность ориентации кабардинской литературы на этико-эстетические, эпические традиции.

Движение литературы от эпопеи к разрушению эпически целостного мировосприятия не является самоцелью литературы. Это прежде всего становление собственно романного мышления, ибо «роман – это уровень духовного потенциала наций, но и ее большая потребность в перспективе» [Бочаров 1978: 167]. Важность подобного подхода открывается также при рассмотрении эволюции писателя.

Таким образом, в творчестве А. Кешокова закрепляется органичный синтез двух типов художественного сознания – этнокультурного и современного литературного. Если же рассмотреть произведения А. Кешокова не в проблемно-содержательном, а в художественно-стилевом аспекте, то отчетливо вырисовывается тенденция движения писателя от эпопейного мышления к собственно романному мышлению: «Вершины не спят», «Сломанная подкова», «Восход луны», «Корни».

Список источников

- Авижюс 1977 – *Авижюс Й.* Потерянный кров. М.: Советский писатель, 1977. 131 с.
 Арутюнов 1981 – *Арутюнов Л.Н.* Развитие эпических традиций в современной советской литературе // Взаимодействие литературы и культуры развитого социализма. М.: Наука, 1981.
 Бочаров 1978 – *Бочаров А.Г.* Человек и война. М.: Советский писатель, 1978. 478 с.
 Гачев 1968 – *Гачев Г.Г.* Содержательность художественных форм. М.: Просвещение, 1968. 302 с.
 Гутов 2017 – *Гутов А.М.* Антигерой в младшем эпосе адыгов // Вестник адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2017. Вып. 4 (207). С. 151–155.

Кешоков 1981 – *Кешоков А.П.* Сломанная подкова // Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. М.: Худож. лит., 1981. 606 с.

Теппеев 1982 – *Теппеев А.М.* Тяжелые жернова. М.: Советский писатель, 1982. 399 с.

Тхагазитов, Толгуров, Хавжокова 2021 – *Тхагазитов Ю.М., Толгуров Т.З., Хавжокова Л.Б.* Эволюция кабардинской прозы XX в. (К 100-летию государственности КБР) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2021. № 3 (54). С. 123–127. DOI: 10.25744/vestnik.2021.54.3.017

References

AVIZIUS J. *Poteryannyi krov* [Lost shelter]. Moscow: Soviet writer, 1977. 131 p. (In Russian)
ARUTYUNOV L.N. *Razvitiye epicheskikh traditsiy v sovremennoy sovetskoj literature* [Development of epic traditions in modern Soviet literature]. IN: *Vzaimodeystviye literatury i kul'tury razvitogo sotsializma* [Interaction between literature and culture of developed socialism]. Moscow: Nauka, 1981. (In Russian)

BOCHAROV A.G. *Chelovek i voyna* [Man and War]. Moscow: Soviet writer, 1978. 478 p. (In Russian)

GACHEV G.G. *Soderzhatel'nost' khudozhestvennykh form* [The richness of artistic forms]. Moscow: Education, 1968. 302 p. (In Russian)

GUTOV A.M. *Antigeroy v mladshem epose adygov* [Antihero in the younger epic of the Circassians]. IN: *Vestnik adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of the Adyghe State University]. Series: *Philology and Art Criticism*. Maykop, 2017. 4 (207). P. 151–155. (In Russian)

KESHOKOV A.P. *Slomannaya podkova* [Broken horseshoe]. Collected works in 4 volumes. V. 2. Moscow: Art. lit., 1981. 606 p. (In Russian)

ТЕППЕЕВ А.М. *Tyazhelye zhernova* [Heavy millstones]. Moscow: Soviet writer, 1982. 399 p. (In Russian)

ТХАГАЗИТОВ Ю.М., ТОЛГУРОВ Т.З., ХАВЖОКОВА Л.Б. *Evolyutsiya kabardinskoj prozy XX v. (k 100-letiyu gosudarstvennosti KBR)* [The evolution of Kabardian prose of the XX century (to the 100th anniversary of the statehood of the KBR)]. IN: *Vestnik Akademii nauk Chechenskoy Respubliki* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic]. 2021. No 3 (54). P. 123–127. DOI: 10.25744/vestnik.2021.54.3.017. (In Russian)

Информация об авторе

Ю.М. Тхагазитов – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

Y.M. Thagazitov – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher at the Kabardino-Circassian Literature.

Статья поступила в редакцию 31.03.2022; одобрена после рецензирования 22.04.2022; принята к публикации 16.05.2022

The article was submitted 31.03.2022; approved after reviewing 22.04.2022; accepted for publication 16.05.2022